

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ИСТОРИЯ

МИР ПРОШЛОГО В СОВРЕМЕННОМ ОСВЕЩЕНИИ

*Сборник научных статей
к 75-летию со дня рождения
профессора Э. Д. Фролова*

Под редакцией профессора А. Ю. Дворниченко

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2008

Римская империя в зеркале гнозиса*

Во II в. н.э. христианский апологет Юстин, рассказывая о современных ему еретиках, мимоходом замечает: «Делаются ли у них те гнусные дела, которые носят в народе, как-то: загнивание светильников, взаимное совокупление и поедание человеческого мяса, не знаю; но знаю, что вы их не гоните и не убиваете, по крайней мере за их учение» (Just. Apol. I, 26). Это место стало классическим для описания взаимодействия римских магистратов и последователей гностических учений. Так, например, Дж. де Сен-Круа утверждает, что «большинство гностических сект обладало полным иммунитетом во время гонений»¹. Но так ли это было на самом деле? Как складывались отношения гностиков и Рима? И как они воспринимали римское государство в системе всего мироздания? Мы не претендуем на то, чтобы в рамках этой статьи окончательно решить эти проблемы, но надеемся, что высказанные здесь замечания будут бесполезны для дальнейших исследований.

ДУХОВНАЯ И ЗЕМНАЯ ВЛАСТЬ В ГНОСТИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ

Что отделяло гностиков от «церковных» христиан? Был ли это вопрос о «единстве Бога»? Если это так, то что могло означать отказ от этого учения? Гностики, против которых Ириной направляет пять книг своего сочинения «Против ересей», не являются дуалистами. Это валентиниане, которые, как и остальные христиане, исповедовали одного бога; тем не менее, они настаивали на разделении между образом Бога как создателя, господя, судьи и повелителя и Бога — Отца истины, Бога духовного. Почему это учение настолько подвергалось осуждению, что люди, которых Гарнак называл «первыми христианскими теологами», фактически были изгнаны из церкви как еретики? Этот вопрос тревожил и самих гно-

* Данная статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Глобализационные процессы в античном мире» (№ 06-01-00438а).

¹ Ste Croix G. E. M. Why were the Early Christians persecuted? // Past and Present. Vol. 26. 1963. P. 28.

стиков: «Они (гностики — *А. П.*) упрекают нас за то, что тогда как они думают сходно с нами, мы без причины удаляемся от общения с ними, и тогда как они говорят то же самое и содержат то же самое учение, мы называем их еретиками» (*Adv. haer.* III, 15, 2).

Когда мы исследуем писания отцов церкви и их современников-гностиков для того, чтобы увидеть, как их авторы трактуют теологические вопросы, мы можем заметить, что они включают в себя и социальный, и политический аспекты. Точнее, мы можем увидеть, что и ортодоксальные христиане, и их гностические оппоненты признают, что споря о «монотеизме», они обсуждают проблему, важную для обеих сторон — вопрос о власти.

Безусловно, более важным для внутрехристианских споров был вопрос о духовной власти, о структуре церковной общины и авторитете клира — епископов, диаконов и пресвитеров. Но он теснейшим образом переплетался с представлениями о власти мирской. Для церковных христиан во II в. эта проблема уже не стояла — вся власть от Единого Бога. Но если постулировать наличие двух богов — благого Духовного Отца и демиурга (в лучшем случае, справедливого), то мы оказываемся перед альтернативой: кого из них считать источником власти?

Что происходило, когда отрицалось учение о Боге как едином, стоящем на вершине иерархии и освящающем всю структуру, можно увидеть на примере Валентина, христианина из Египта, получившего образование в Александрии, и около 140 г. прибывшего в Рим известным учителем (*Iren. Adv. haer.* III, 4, 3; *Tert. Adv. Val.* 4). Валентин объявил, что ему было видение; он также утверждал, что он был посвящен в тайное учение Тевдой, учеником ап. Павла (*Clem. Alex. Strom.* VII, 7). Основываясь на этих откровениях, Валентин попытался преподавать «тайную мудрость», которая состояла в том, что тот, кого большинство христиан почитают как создателя, бога и отца — всего лишь «образ» истинного Бога (*Clem. Alex. Strom.* IV, 89–90). Следовательно, эпитеты, которые христианские авторы вроде Климента Римского, Игнатия и Ермы относили к Богу, на самом деле относятся лишь к демиургу, его копии и подобию. Это не истинный Бог, но лишь творец, который управляет своими подчиненными как «царек» (*Heracl. Frg.* 40), он правит, как господин, который изображается как «сотник» в Евангелии от Матфея, говорящий, что он имеет «у себя в подчинении воинов, говорит одному: пойдя, и идет; и другому: приди, и приходит; и слуге своему:

сделай то, и делает» (Iren. Adv. haer. I, 7, 4). Прежде всего, он — следящий за порядком законодатель и судья, который вознаграждает тех, кто исполняет его заповеди и карает тех, кто преступает их; он — «Бог иудеев». Последователи Валентина объясняли, что заносчивое заявление создателя о его исключительности — «Я Бог, и нет никакого бога, кроме меня» (Ис. 43:12) — демонстрирует незнание истинного источника его силы, который является «Богом истины», Источником и Глубиной всех вещей (Iren. Adv. haer. I, 5, 3–4). Ганс Йонас считает это фундаментом всей гностической теологии и интерпретирует обвинения творца как выражение «чуждости» бытия гностика в мире². Но здесь можно увидеть и выражение отчужденности в социальном смысле — отчужденности как от церкви, так и от государства в целом.

Таким образом, позиция гностиков по отношению к власти резко контрастирует с позицией церковных авторов. Гностики пользуются тем же теологическим словарем, что и Климент, Иустин, Тертуллиан и Ириней. Они точно так же описывают церковь как «новый Израиль», что поклоняется Господу «в Иерусалиме» (Heracl. Frg. 13). Но если церковные христиане использовали этот образец для описания всей христианской церкви, то валентиниане Гераклеон и Птолемей интерпретировали его иным образом. То, что большая часть христиан называла «новым Израилем», валентиниане называли *церковью психиков*. «Иерусалим» означает лишь *психический уровень* веры, где находятся «жрецы и левиты», которые «являются символом находящихся вне плеромы душевных, обнаруженных для спасения», получивших «крещение видимого Иисуса» и евхаристию как знак искупления грехов Христом (Iren. Adv. haer. I, 21, 1–4). Кроме того, они боятся и служат демиургу как «Богу Израиля». Гераклеон, идя дальше, говорит, что психики, предназначенные к спасению, находятся во «внешнем дворе» храма, так как они поклоняются, будучи «в незнании, неверии и грехе» тому, кто не является истинным Богом, и, таким образом, остаются только рабами своего хозяина и господина, овцами, нуждающимися в пастыре, подвластными законодателю и судье (Hipp. Ref. VI, 34).

Гностики полагали, что учение о грехе, покаянии, прощении и вера в «видимого Иисуса», провозглашаемое публично в «психиче-

² Йонас Г. Гностицизм. СПб., 1998. С. 65–71; Jonas H. Delimitation of the Gnostic Phenomenon // Le Origini dello Gnosticismo / ed. U. Bianchi. Leiden, 1967. P. 91 f.

ской» церкви, на самом деле лишь «начальное учение». Они указывали, что даже сам Христос и апостолы, которые основали церковь, несли одно учение «тем, кто вне», а другое — «тем, кто внутри»: «Апостолы с лицемерием приспособляли свое учение к приемлемости слушателей и давали ответы сообразно с мнениями вопрошающих: для слепых выдумывали басни сообразно с их слепотой, для слабых — сообразно со слабостью и для заблуждающихся — сообразно с заблуждением» (Iren. Adv. haer. III, 5, 1). Вместо познания Господа церковные христиане остались ослепленными слугами демиурга.

Посвящаемый в гностические таинства узнавал, что следует отбросить власть демиурга и все его требования как «нелепости». Гнозис состоял в познании сил, стоящих над демиургом; постигнуть их означало выйти из-под власти создателя материального мира. Пройдя через таинство искупления, иницилируемый ритуально заявлял о своей свободе от демиурга. «Они более всех знают и одни проглотили величие знания о неизреченной силе. Они говорят также, что они, по высоте своей, выше всякой силы. . . ибо по силе искупления делаются недоступными и невидимыми для судьбы» (Iren. Adv. haer. I, 13, 6). Отметим, что буквально о том же сообщает и другой критик гностиков — Плотин: «Если неразумные люди внезапно слышат: “Ты будешь лучше всех — не только людей, но и богов”, — или если услышит прежде смиренный, умеренный и простой муж такие слова: “Ты — сын бога, а остальные, которым ты удивлялся, — не дети его и не получили от отцов то, что они почитают, ты же лучше даже небес, ничуть не потрудившись”, — разве не поверят они подобным речам, притом что и другие верят этому, — ведь велико самодовольство в людях» (Enn. II, 9, 9).

Посвящение изменяло взаимоотношения посвящаемого с демиургом, но также изменялись отношения и с епископом, и с мирскими властями. Перед этим его учили подчиняться епископу «как Богу», ему говорили, что епископ управляет и судит, председательствуя «на месте Бога». После посвящения же гностик стало известно, что это ограничение действует только для неполноценных «психических» христиан. Гнозис давал четкое теологическое основание для отказа от подчинения власти епископов, которые теперь рассматривались как «силы и власти», правящие на земле от имени демиурга. Точно такое же отношение складывалось и по отношению к земным властям.

Дальнейшее исследование природы демиурга может показать, как члены этих гностических групп осознавали свое отношение к не-гностическим властям. Мы вправе полагать, что те, кто отзывается о демиурге как безжалостно враждебном, надменном и завидующем высшим силам (как, например, трактат «Ипостась Архонтов» из собрания Наг Хаммади), будут считать себя сопротивляющимися его силе и власти. С другой стороны, те же валентиниане говорили, что демиург является орудием высшей силы и необходим для присмотра за «психической церковью».

ГНОСТИК В МИРЕ:

«СТРАННИК Я НА ЭТОЙ ЗЕМЛЕ И ПРИШЕЛЕЦ СРЕДИ ВАС»

Христиане находятся как бы «вне мира»; похожее ощущение, даже более глубокое, возникает при изучении гностических трактатов. Мотив «чуждости» этому миру в то время встречается повсеместно, но именно у гностиков он достигает наибольшей заостренности, именно у них появляется теория о том, что космос создан невежественным или даже злым творцом³. Эта позиция была принципиально новой для античного мира — до этого никто так резко не оспаривал платоновский тезис о том, что космос есть лучшая из сотворенных вещей. Гнозис был не заинтересован в каком бы то ни было изменении или улучшении окружающего мира. Гностик знал, что он сможет попасть в мир духовный лишь после того, как царство материи будет разрушено, и он делал все возможное для того, чтобы приблизить его конец. Эта позиция, по словам Ганса Йонаса, вдрызг разбила пантеистические иллюзии античного мира⁴. Существовал простой выход — немедленная смерть: самоубийство или исповедание христианской веры перед римскими властями. О таких говорит Кдидент Александрийский: «Есть и другого рода люди, не имеющие ничего общего с нами, кроме имени (христиан — *А. П.*), которые преднамеренно бегут навстречу палачу и отдают себя на

³Эта идея не является ни греческой, ни иудейской; для нее фактически невозможно предполагать какой-то дохристианский источник. Возможно, она возникла в 70-х гг. I в. среди какой-то иудейской группы обратившихся против Иеговы после того, как он не защитил Иерусалим. Подробнее см.: *Доддс Э. Р.* Язычник и христианин в смутное время. Некоторые аспекты религиозных практик в период от Марка Аврелия до Константина. СПб., 2003. С. 38–39.

⁴*Йонас Г.* Гностицизм. С. 247–250.

смерть, делая это из ненависти к Творцу. Относительно этих самоубийц мы провозглашаем: смерть их не есть мученичество, хотя их и казнят по приговору властей» (Clem. Alex. Strom. IV, 17)⁵. Но самоубийство избрали немногие. Большинство предпочло остаться в плену материи, «о себе же самих решительно полагая, что непременно спасутся. . . Духовное, каким почитают себя самих, не может подвергнуться тлению, до каких бы деяний не низошли они» (Iren. Adv. haer. I, 6, 2).

Это породило две различные модели поведения. Мы часто слышим от церковных полемистов о либертинизме гностиков — вере во вседозволенность, которая основывается на уверенности в том, что духовный человек будет спасен в силу самой своей природы, и на стремлении как можно сильнее унижить ненавистную материю. Кроме того, в определенных гностических течениях существовало учение о том, что человек не сможет освободиться от материи, пока не узнает «все образы жизни и не совершит все поступки». Образцом такого отношения к миру может быть назван сын Василида Елифан, большой фрагмент сочинения которого «О справедливости» сохранил Климент Александрийский (Strom. III, 6–9) (добавить еще либертинистов).

О таком образце поведения мы узнаем от церковных авторов⁶, но у них содержатся указания и на вторую модель — аскетизм. Ириней говорит, что так жили последователи Сатурнила и энкратиты. «Брак и рождение детей, по их (сатурнилиан — А. П.) словам, от сатаны. Впрочем, некоторые из его последователей воздерживаются от мяса животных и обольщают многих такой мнимой воздержанностью» (Iren. Adv. haer. I, 24, 2); «Так называемые энкратиты проповедовали безбрачие, отвергая изначальное создание Божие и косвенно порицали Того, Кто сотворил мужской пол и женский для рождения людей; и ввели воздержание от употребления животных, делаясь неблагодарными по отношению к сотворившему их Богу»

⁵Этот пассаж может относиться и к последователям Маркиона, который так же учил о двух богах — добром и злом. Евсевий отмечает, что среди маркионитов было немало мучеников (Eus. H. E. IV, 15; VII, 12; De Pal. mart. 10).

⁶Единственный текст из Наг-Хаммади, который хоть в какой-то степени может служить подтверждением реальности этой поведенческой модели — это, по мнению Мак Рая, «Гром. Совершенный Ум» (NHC, VI, 2). Но это построение крайне гипотетично: памятник обладает таким темным содержанием и настолько непростой структурой, что что-то определенное утверждать о нем практически невозможно.

(Iren. Adv. haer. I, 28, 1). Климент Александрийский в «Строматах» упоминает о Юлии Кассиане, который придерживается таких же аскетических взглядов (III, 91–95). Кроме сочинений ересиологов, аскетический образец часто встречается и в трактатах из собрания Наг-Хаммади. Так, в сочинении «Подлинное учение» говорится: «Мы пребываем в этом мире как рыбы. А противник бодрствует, замышляя против нас, ища нас, как рыбак, желая поймать нас и радуясь, что может нас проглотить. Ибо он проносит перед нашими глазами множество пищи, принадлежащей этому миру, и хочет, чтобы мы возжелали одну из них, и попробовали только немного, чтобы он схватил нас при помощи своего скрытого зелья и вырвал нас из свободы и забрал нас в рабство. Ибо если он схватит нас какой-то одной приманкой, ведь неизбежно, чтобы он пожелал и остальное. Таким образом, наконец, это становится пищей смерти. Но это — приманки, на которые дьявол ловит нас. Сначала он роняет печаль в твое сердце... а после этого внушит страстное стремление к одежде, чтобы ты гордился собой в ней, и любовь к деньгам, гордость, высокомерие, зависть, которая завидует другой зависти, красоту тела, мошенничество, а более всего этого — незнание и беспечность» (ННС, VI, 3, 30–31). И либертинизм, и аскетизм, противоположные друг другу, имели один и тот же корень: представление о материи как зле. Один отрекался от физического мира через эксцессы, другой — через воздержание. Аскетизм был, безусловно, более в духе времени, и конечно, давал меньше оснований для критики как со стороны церковных авторов, так и язычников⁷. В силу этих причин второе направление получило более широкое распространение.

Если либертинизм был более бунтарской позой, чем жизненной практикой, а аскетизм призывал держаться в стороне от вещей этого мира, не означает ли это, по сути, молчаливого признания государства? Очевидно, да. Многие зависело от характера демиурга — «нейтрального» или «злого», но даже в самом крайнем случае отрицание его власти и земных властей было не более жестким, чем отрицание всего материального мира. В своих этических теориях гностики не имели никаких оснований для привлечения особо

⁷ Доддс Э. Р. Язычник и христианин в смутное время. С. 59–66; Valantasis R. Demons, Adversaries, Devils, Fishermen: The Asceticism of «Authoritative Teaching» (NHL, VI, 3) in the Context of Roman Asceticism // The Journal of Religion. Vol. 81. 2001. P. 549–565.

пристального внимания властей как «внутренние враги». Либертизм, заявляющий об относительности законов и о том, что «добро» и «зло» существуют только «для человеческого мнения», опирался более чем на пятисотлетнюю философскую традицию, начавшуюся еще с Протагора и Антифонта. Похожие мысли (и много лучше аргументированные) можно было услышать и от киников, и от представителей второй софистики, так что вряд ли это всерьез могло обеспокоить римских магистратов.

ГНОСТИК В ГОСУДАРСТВЕ: «ПОКОЛЕНИЕ, НЕ ИМЕЮЩЕЕ ЦАРЕЙ НАД СОБОЙ»

Итак, особое место в реконструируемой «социально-политической теории» гностиков занимает творец материального мира. В лишенном высшего знания демиурге, поработившем человечество, и в том, что он со своими силами и ангелами внес в мир смуту и беспорядок, гностики могли видеть изображение римских и других властей, которым им приходилось подчиняться. Гностические системы, в отличие от современных им политических теорий, которые рассматривали императора и государство как воплощение космического порядка и гармонии, считали все проявления власти одних людей над другими «нечестивыми» и введенными исключительно злым и неразумным создателем мира. Гностики противопоставляли творца этого мира и небесного духовного Отца, и это противостояние проходило через всю мировую историю. Духовный мир наделялся всеми добродетелями, в то время, как демиург в лучшем случае изображался как «строгий и правосудный судья», а обычно — как антагонист высшего бога, сатана.

Каиниты полагали, что творец и владыка этого мира посвящает всю свою жизнь уничтожению избранного рода — гностиков. В «Откровении Адама» избранный род называется «поколением, не имеющим царей над собой» (ННС V,5). Последователи Продика, по словам Климента Александрийского, «называют себя гностиками и естественными детьми первого Бога. Своим высоким происхождением и свободой они обосновывают право жить как пожелают. Желают же они жить никому не подчиняясь, поскольку считают себя господами субботы и прирожденными детьми царя, стоящими над всеми живущими. Царю же, как они говорят, закон не писан» (Strom. III, 30).

В трактате «О происхождении мира» говорится: «Три рода (людей — А.П.) принадлежат царям Огдоады (психического мира — А. П.), четвертый же род — совершенный, без царя; он выше них. . . Они — цари в смертном как бессмертные. Они будут судить богов Хаоса и их Силы» (ННС, II, 5). «Впоследствии Он (Отец — А. П.) явил (нам) множество противостоящих, само-порожденных, равных в возрасте (и) силе, пребывавших в славе и без числа, названных поколением, над которым нет царства среди царств существ. А целое множество места, над которым нет царства, называется сыновьями непорожденного Отца», — говорит «Послание Блаженного Евгноста» (ННС, III, 3). Другой трактат из Наг-Хаммади, продолжает эту тему: «И впоследствии было явлено целое множество предстоящих само-порожденных, равных по возрасту и силе, будучи в славе (и) без числа, чья раса названа поколением, над которым нет царства от того, в ком вы сами появились от этих людей. А это целое множество, над которым нет царства, названо сыновьями Нерожденного Отца, Бога, Спасителя, Сына Божьего, чье подобие — с вами» (ННС, III, 4). О том же говорит еще одно гностическое сочинение, «Книга Фомы Атлета»: «Блаженны вы, плачущие и мучимые теми, у коих нет надежды, ибо вы будете освобождены от всех оков. Бодрствуйте и просите, дабы вы не пошли в плоть, но вышли из оков горечи жизни. И вы обретете покой, ибо вы оставили за собой муку и поношение сердца. Ибо когда вы выйдете из мук и страданий тела, вы достигните ваш покой через благо и восцарствуете с царем (Отцом — А. П.), став одно с ним. И он будет одно с вами отныне и вовеки веков» (ННС, II, 7).

Конечно, прежде всего это относилось к демиургу и его архонтам, но эти установки проецировались и на отношения с земными властями. Миром правит не разум, а его отсутствие, и это касалось не только небесной, но и земной власти. «Мои избранные! Не доверяйте царям и правителям этого мира, ни военной силе, ни армии, ни ополчениям, которые они созывают, ни тюремщикам, ни золоту, ни серебру. . . их золото и серебро не спасут их. Их самовластие пройдет и закончится, а справедливость восторжествует над ними», — говорится в «Правой Гинзе» мандеев⁸. Таким образом, яс-

⁸Rudolph K. Gnosis. The Nature and History of Gnosticism. San Francisco, 1987. P. 267.

но, что власть над «принадлежащими к истинному роду» людьми мыслилась как нарушение мирового порядка.

Но если мы обратимся к такому гностическому течению, как валентинианство, то без труда заметим, что отношение к земной власти определяется иной парадигмой. Автор «Евангелия Истины» пишет: «Отец не завистлив. Ибо какая зависть может быть между Ним и его членами?»; «Не думай об Отце ни как о малом, или злом, или гневливом; он — всецело благ, спокоен и добр» (ННС, I, 3). Поэтому его дети не завистливы (в отличие от потомков демиурга); вместо этого они, подобно Отцу и Сыну, являют бесконечную любовь друг к другу. Автор «Трехчастного трактата» ясно противопоставляет структуру взаимоотношений между «детьми Отца» с одной стороны и «потомками демиурга» — с другой. Дети Отца «полны и совершенны», почитают своего Отца «совершенным образом своим собранием». Отец желает, чтобы они «узнали его в единстве, и помогали один другому из-за духа, который находится в них». В этой гармонии они являются отражением самой божественной плеромы. Другие же, которые появились от «мысли гордости», «желают приказывать один другому, править над всеми из-за своих пустых желаний», они «охвачены жаждой власти. . . каждый из них полагает, что он больше остальных». Помимо этого, они ревнивы, завистливы, гневливы и не обладают знанием, как и та сила, что породила их. Тем не менее, автор «Трактата» предвидит время, когда «некто несовершенный» (т. е. сам демиург) сам получит просветление, и отбросит от себя «гордые мысли». Когда он это сделает, его потомство отвернется от незнания и их высокомерие исчезнет; им будет позволено научиться от «их братьев» — возможно, неких избранных — которые тайно осуществляли духовную заботу о них. Тем самым открывается путь к диалогу с людьми и силами демиурга, и мы рассмотрим этот путь подробнее.

Ириной Лионский, описывая учение последователей валентинианина Птолемея, замечает: «О душах, имеющих в себе семя Ахамот, говорят, что они лучше прочих, почему и более других возлюблены демиургом, который, не зная причины этого, думает, что они от него таковы. Потому, говорят, и ставил их священниками, пророками и царями» (Adv. haer. I, 7, 3). Таким образом, в данном случае мы имеем дело с противоположной позицией — демиург делает все возможное для возвышения избранного рода, и его представители занимают места тех самых «царей и правителей этого мира». Гно-

стики считали себя лучшими из людей, и то, что они оказывались в власти, демонстрирует две основные черты валентинианского демиурга — справедливость и правосудность. Скорее всего, именно в таком ключе рассматривались такие герои ветхозаветной истории, как Мельхиседек, Моисей и Иисус Навин.

В некоторых гностических учениях считалось, что ангелы этого мира разделили между собой земные народы и покровительствуют им. Так, Василид учил, что ангелы-космократоры, находящиеся на самом нижнем, видимом, небе, разделили по жребию землю и народы, жившие на ней. Иудейский народ достался старшему из них, «которого почитают Богом Иудейским». Он задумал подчинить иудеям все другие народы, но этому воспротивились остальные ангелы, в результате чего завязались постоянные войны между иудеями и прочими народами (Iren. Adv. haer. I, 24, 4). Возможно, это — толкование на слова «Восстают цари земли, и князья совещаются вместе против Господа и против Помазанника Его» (Пс. 2:2)⁹. В любом случае, стоит отметить параллели с учением Сатурнила и офитов, об учении которых говорит Ириней: «Он первый утверждал, что ангелами сотворены два рода людей, добрый и злой. И так как демоны помогали злым людям, то Спаситель пришел для уничтожения злых людей и демонов и для спасения добрых» (Adv. haer. I, 24, 2). А офиты утверждают, что «Его (демиурга-Иалдабаофа — А. П.) сыновья начали с ним спор и брань за господство» (Adv. haer. I, 30, 5).

У валентиниан мы имеем дело с объединением «избранного рода» в группу не по этническому, а едва ли не по социальному принципу. С приходом Христа знание стало доступно всем, и демиург будет заботиться о каждом гностике. С Иисуса Христа начинается новый период истории космоса — период спасения. Он приносит знание не только людям, но и демиургу: «По пришествии Спасителя демиург от Него узнал все, и с радостью присоединился к Нему со всей своей силой... Он будет продолжать управление миром до надлежащего времени, более всего для попечения о церкви...» (Iren. Adv. haer. I, 7, 4). Об этом говорит и Гераклеон. Комментируя отрывок из Евангелия от Иоанна об исцелении сына царедворца (Ин. 4:46–53), он отмечает, что речь в нем ведется о демиурге и

⁹Афонасин Е. В. Античный гностицизм. Фрагменты и свидетельства. СПб., 2002. С. 288.

его ангелах, причем «по пришествии Спасителя они начали управлять четко и аккуратно» (fr. 40). Если раньше демиург всячески возвышал гностиков, ничего не зная ни об их, ни о своей природе, то теперь он с удвоенной энергией будет отстаивать их интересы в этом мире.

Валентиниане, определяя таким образом статус земных властей, прежде всего обретали средство, позволяющее выполнять практически все требования существующего режима. Если обычные христиане и «радикальные» гностики были вынуждены подчиняться тем, кто рассматривался ими как язычники и орудия демонов, то валентиниане могли относиться к тем же властителям как к лучшим из духовных людей, в силу своей природы возвышенных демиургом. Более того, это открывало путь для решения вопроса об отношении к императорскому культу: гностики, принося жертвы императору, величайшему из смертных, считали, что поклоняются не гению императора, как обычные жители империи, а его ангелу, «с которым он соединился еще на земле» (Iren Adv. haer. I, 13, 3).

Таким образом, душа царя у валентиниан оказывается содержащей в себе духовное семя, которое дает ей знание о духовном мире и возможность управлять физическим миром по образу мира Высшего. Он не может оказаться спасителем для всех, ибо спастись могут лишь избранные, пневматики, но император может сделать все возможное для того, чтобы облегчить им спасение, приблизив к себе и обеспечив твердое материальное положение. Кроме того, он все-таки может способствовать и духовному росту подданных, заботясь о Церкви. Эта «забота» могла сводиться хотя бы к тому, чтобы ограничивать антихристианские акции; правда, у нас нет ни одного свидетельства о том, что гностики выступали с апологиями христианского учения.

Как нам кажется, последователи Валентина, создавая эту теорию, могли опираться на предшествующую философскую традицию, которая, отказывая императору в равном статусе с олимпийцами и холодно относясь к почестям, которые оказывались ему, тем не менее, видела в нем воплощение божественного логоса¹⁰. Применение этих идей в области религии не было каким-то «открытием» христианских гностиков. Приблизительно в это же самое время в

¹⁰ Chesnut G. F. The Ruler and the Logos in Neopythagorean, Middle Platonic, and Late Stoic Political Philosophy // ANRW. Tl. II. Bd. 16. 2. 1978. S. 1310–1332.

одном из текстов герметического корпуса, сохраненного Стобеем, появляется утверждение о том, что император — это эманация бога, который в должное время посылает ее на землю, а в XVIII трактате — «О волнениях тела, сковывающих душу» — содержится хвала Высшему Богу и хвала царю.

Приведем оба пассажа: «Сами боги, сын мой, рождают царей, достойных быть их продолжателями на земле. Правители суть излучение Царя (Бога — *А. П.*) и правитель, который к нему ближе, есть более царь, чем иные. Солнце, будучи ближе к Богу, есть также более великое и более могущественное, чем Луна: она следует на втором месте после него по званию и по могуществу.

Что касается царя, то он есть последний среди богов, но первый среди людей. Поскольку он живет на земле, он действительно весьма удален от божественной природы, но по сравнению с иными людьми у него есть нечто исключительное, чем он похож на Бога. Вселенная в него душа происходит из той части неба, которая находится выше, чем та, из которой происходят души иных людей.

А души ниспосланы сверху по двум причинам, сын мой. Те, кто прошел свой жизненный путь благочестиво, безукоризненно, близкие к тому, чтобы получить обожествление, — для того, чтобы посредством царствования они приготовились к осуществлению власти, принадлежащей богам. Те же, которые уже в некотором смысле божественны и которые лишь незначительно нарушили законы Божий, — для того, чтобы они испытали наказание воплощения, чтобы они по причине своего высокого положения не испытывали ничего подобного тому, что испытывают иные, и чтобы они, даже будучи воплощенными, сохраняли то, что они имели тогда, когда были свободными.

Что касается характеров царей, то их различие объясняется не природой их душ, ведь все они божественны, но разнообразием ангелов и демонов, сопровождающих их в их нисхождении. Ведь души такого качества и такого назначения не опускаются без свиты и охраны. Высшая Справедливость умеет отнести каждого к званию, которого он достоин, даже если он выслан из Счастливой Страны»¹¹.

«Так восславим же Бога. Но и ниспустимся затем к тем, кто

¹¹Гермес Трисмегист и герметическая традиция Востока и Запада / Сост. К. Богуцкий. М.; Киев, 1998. С. 187–189.

получил от Бога жезл... Ибо справедливо воздать им должное за долгую мирную жизнь, которой мы наслаждаемся. Сие достоинство царя, да что я говорю — само имя царя обеспечивает нам мир. Ведь царь назван так потому, что он ступает легкой ногой по своему царству с высшим могуществом, и он владеет словом, мир приносящим; он рожден для того, чтобы возвыситься над царством варваров, и само имя царя есть символ мира. Потому часто достаточно одного имени царя, чтобы сразу обратить врагов вспять. Более того, даже изваяния царей служат гаванью для людей, преследуемых самыми жестокими бурями. И уже само появление образа царя приносит победу, предохраняет от любых страхов и любых ран тех, кто держится подле него» (СН, XVIII, 15–16).

Это — ярчайший пример того, как основные положения эллинистической политической теории получают религиозное оформление. По сути, мы сталкиваемся здесь с теми же представлениями о царе, что высказывались пифагорейцами, платониками и стоиками, но они достаточно причудливым образом встроены в религиозное учение¹², а у валентиниан это учение еще и христианизруется.

ГНОСТИК И РИМ: «ЗНАЮ, ЧТО ВЫ ИХ НЕ ГОНИТЕ И НЕ УБИВАЕТЕ, ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ ЗА ИХ УЧЕНИЕ»

После того, как мы рассмотрели взгляды гностиков на природу власти и государство, можно перейти к исследованию тех немногих свидетельств, которые сообщают о взаимоотношениях гностиков и римских властей. Но сначала попытаемся понять, отличали ли сами римляне гностиков от других раннехристианских течений — представителей церковного христианства, иудеохристиан или монтанистов? Если говорить о представителях власти, то, скорее всего, ответ будет отрицательным. Римские магистраты не стремились вникать в тонкости разногласий между христианскими группировками: для них было важно соблюсти следственную процедуру. Перед трибуналом оказывался обвиняемый в христианстве, и судье было неважно, кто отправится на арену или совершит жертвоприношение императору — монтанист или офит, сефианин или евионит.

¹²Некоторые ученые полагают, что панегирик из XVIII трактата включен в «Корпус» по недоразумению. См.: *Dvornik F.* Early Christian and Byzantine Political Philosophy. Origins and Background. Vol. II. Washington, 1966. P. 555; Гермес Трисмегист и герметическая традиция. С. 570.

Однако, нам известно о язычниках, которые интересовались различными течениями внутри христиан. В 70-х годах II в. Цельс пишет свое сочинение «Правдивое слово», в котором обрушивается с критикой на новую религию. Одно из основных его обвинений — это отсутствие единства: «Вначале их было немного, и у них было единомыслие. А размножившись, они распадаются тотчас же и раскалываются: каждый хочет иметь свою собственную фракцию; ибо к этому они стремились с самого начала; вновь откалываясь от большинства, они сами себя изобличают. Единственное, так сказать, общее, что у них еще есть, если оно вообще есть, это — название» (Orig. C. Cels. III, 10–12). Среди многочисленных христианских течений Цельс выделяет и гностиков. Более того, «Правдивое слово» — первое свидетельство использования христианами этого термина.¹³ «Пусть не думают, будто я не знаю, что некоторые из них признают того же бога, что иудеи, другие же — другого, противостоящего этому, от которого и произошел сын. Есть и третий род, называющий одних пневматиками, других — психиками. Некоторые объявляют себя гностиками. . . Они злословят друг против друга ужаснейшим образом, (изрыгая) явные и тайные (проклятия), они ни по одному пункту не могут прийти к соглашению, они во всем гнушаются друг друга. . . » (C. Cels. V, 61–63).

Нам неизвестно, какое распространение получило сочинение Цельса. Следующий случай выделения язычников из общехристианской массы относится к середине III в. Философ Плотин, основатель неоплатонизма, в нескольких трактатах критикует гностические воззрения, а один из них прямо называет «Против гностиков» (Enn., II, 9). По свидетельству Порфирия, ученика Плотина, «Были при нем среди христиан многие такие, которые отпали от старинной философии, — ученики Адельфия и Аквиллина; опирались они на писания Александра Ливийского, Филокома, Демострата, Лида и выставляли напоказ откровения Зороастра, Зостриана, Никофея, Аллогена, Меса и тому подобных, обманывая других и обманываясь сами. . . Против них он высказал на занятиях очень много возражений, записал их в книге, озаглавленной нами “Против гностиков”, а остальное предоставил на обсуждение нам» (Porph. Vit. Plot., 16). Для образованного язычника разобраться в учении гно-

¹³ Smith M. The History of the Term «Gnosticos» // The Rediscovery of Gnosticism. Vol. I. Leiden, 1981. P. 800–801.

стиков и проследить истоки их теологии не составляло никакого труда: Плотин поручает эту задачу своим ученикам, и возможно, они опровергали сочинения, дошедшие до нас в составе библиотеки Наг-Хаммади.

Во время стихийного гонения или при получении подписанного доноса римский магистрат должен был следовать обычной процедуре: произвести арест, выяснить, является ли подсудимый христианином и если да, то предложить ему отступить от веры — принести жертву богам, поклясться именем императора и похулить Христа. Этот набор требований на протяжении II–III вв. остается практически без изменений. В том случае, если христианин отказывался выполнить эти требования, его казнили, если выполнял, то его отпускали. Большинство церковных авторов обвиняет гностиков в том, что они становятся отступниками. Так, Иринея пишет об учениках Василида: «Потому такие люди готовы отрицаться и не могут страдать за имя» (*Adv. haer.* I, 24, 6). Ему вторит Агриппа Кастор (отрывки его работы сохранены Евсевием): «Он учит вкушать идоложертвенное и спокойно отрекаться от веры во время гонений» (*Н.Е.*, IV, 7, 6). Климент Александрийский также свидетельствует об этом: «Некоторые же из еретиков, не постигнув сказанного Господом, питают нечестивую и трусливую привязанность к этой жизни и утверждают, что истинным исповеданием является знание единого истинного Бога, а поэтому нечестиво называют самоубийцей всякого христианина, своей смертью прославившего Бога. Они подтверждают свое мнение софизмами, которые внушены трусостью» (*Clem. Alex. Strom.* IV, 16).

Это не является выдумкой ересиологов. В «Свидетельстве истины» мы читаем: «Глупцы — думающие в своем сердце, что если они исповедуют «Мы христиане» только словом, а не на деле; отдающие себя незнанию, физической смерти, не знающие, куда они идут, не знающие, кто Христос, думающие, что они будут жить, в то время как они заблуждаются, — следуют за начальствами и за властями; они же и попадают в руки последних из-за незнания, которое в них. Ибо если бы только слова, которые свидетельствуют, спасали, тогда весь мир уповал бы на это и был бы спасен. Но именно таким образом навели на себя заблуждение. Они не знают, что уничтожают себя. Если бы Отец хотел человеческой жертвы, он оказался бы тщеславным» (*ННС*, 9, 3). Впрочем, существовала и другая точка зрения. Мы уже приводили слова Климента о тех,

кто из-за ненависти к демиургу стремится к смерти. «Никто из тех, кто боится смерти, не спасется, ибо Царство принадлежит тем, кто отдает себя на смерть», — говорится в «Апокрифе Иакова» (ННС, I, 2).

Интересна точка зрения, высказываемая Гераклеоном: «Исповедание на словах может происходить и перед лицом властей, и именно его многие считают единственно возможным; однако они ошибаются, ведь и лицемер может легко произнести признание такого рода. . . Исповедание на словах является не всеобщим, но только частичным. [Истинное] исповедание является всеобщим и оно подкрепляется делами и поступками, в соответствии с верой. Это исповедание может сопровождаться частичным перед лицом властей, если это необходимо и ситуация требует словесного подтверждения. Такой человек легко подтвердит словами то, что уже признал справедливым в своей душе» (Clem. Alex. Strom., IV, 71). Гераклеон не отвергает мученичества за веру, но отводит ему второстепенное место по сравнению с праведной жизнью, которая и является истинным исповеданием. И Гераклеон, и автор «Свидетельства истины» считали мученическую смерть меньшим подвигом, чем ежедневное доказательство веры строгим поведением¹⁴.

Причины этой легкости отступничества и демонстрации лояльности традиционной римской религии лежали в теологии и христологии гностиков: они не верили, что божественная, духовная часть Христа страдала на кресте, и это делало мученичество бессмысленным самоубийством. Василид утверждал, что «Он Сам не страдал, но некто Симон Киринейский, который был принужден нести за Него крест; он был преобразен Им так, что его считали Иисусом, и по невежеству и ошибке был распят; а сам Иисус принял образ Симона, стоял там и смеялся над ними» (Iren. Adv. haer. I, 24, 4). То, что христология валентиниан была менее докетистской, чем, скажем, у Василида, и открывало принципиальную возможность признания мученичества¹⁵.

Гностики не считали необходимым претендовать на исключительность, как это делали церковные христиане, и не отказывались воздавать почести языческим богам, когда в этом возникала

¹⁴ Хосроев А. Л. Александрийское христианство. М., 1991. С. 166.

¹⁵ Pagels E. H. Gnostic and Orthodox Views of Christ's Passion: Paradigms for the Christian's response to persecution? // The Rediscovery of Gnosticism. Vol. I. Leiden, 1981. P. 262–288.

необходимость. Таким образом, хотя догматы гностиков и могли казаться представителям власти очень похожими на ортодоксальные, гностики избегали гонений именно потому что, они, как правило, соглашались принять участие в языческой церемонии, в то время, как ортодоксальные христиане отказывались от этого.